

С. Л. Шелухинъ.

Н. В. ГОГОЛЬ

и

Малорусское Общество.

(Отдѣльный оттискъ изъ сборника, изданнаго ИМПЕРАТОРСКИМЪ Ново-россійскимъ Университетомъ, по случаю столѣтїя со дня рожденїя Н. В. Гоголя).

О Д Е С С А.

Типографія „Техникъ“, Успенская ул., д. № 56.
1909.

29
1630

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

29
1630

UGRAINICA

Гоголь и малорусское общество.

Речь С. П. Шелухина.

Съ шестидесятихъ годовъ взглядъ на роль и дѣятельность писателя рѣзко измѣнился. Благодаря таланту Добролюбова, обладавшаго необыкновенной способностью придавать мыслямъ удивительную ясность и яркую формулировку, распространилось убѣжденіе, что литература должна служить обществу. Общественная точка зрѣнія на роль литературы сдѣлалась господствующей и литературный трудъ сталъ почитаться общественнымъ занятіемъ, а литераторы считаться общественными дѣятелями. По новому взгляду литература должна имѣть воспитательное значеніе и тотъ писатель выше, который своими произведеніями лучше проводитъ „въ общество свѣтлыя взгляды, истинныя, благородныя убѣжденія“, и вызываетъ въ обществѣ горячее сочувствіе всему высокому, прекрасному, гуманному, справедливому. Однимъ словомъ, писатель своими произведеніями долженъ служить обществу и вліять на развитіе общественности. Такимъ образомъ, и въ оцѣнкѣ дѣятельности писателя, а также въ опредѣленіи значенія его произведеній стала преобладать общественная точка зрѣнія, которой прежде всего требовалось обращать вниманіе, насколько вѣрно писатель изобразилъ въ своихъ произведеніяхъ дѣйствительную жизнь въ ея типичныхъ проявленіяхъ; поскольку этими произведеніями онъ будилъ личностъ и общество къ самосознанію и самодѣятельности; насколько вѣрно онъ опредѣлилъ идеаль будущаго и показалъ правильный путь къ личному и общественному совер-

29
1630

К

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

шенствованію, или, по крайней мѣрѣ, насколько далъ толчекъ мысли къ работѣ въ этомъ поправленіи и тѣмъ послужилъ улучшенію, развитію и совершенствованію общественной жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, формахъ и видахъ. Такими требованіями и въ настоящее время опредѣляется общественное значеніе произведеній писателя.

Если съ этой точки зрѣнія подойти къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, взявъ ихъ притомъ въ обстановкѣ его времени, то увидимъ дѣятельность неизмѣримаго общественнаго значенія. Размѣры, величіе и характеръ такой дѣятельности выясняются всегда только въ обрисовкѣ исторической перспективы. Если вы хотите хорошо разсмотрѣть и ясно представить себѣ предметъ огромной величины, то обязательно должны отойти отъ него на разстояніе, ибо вблизи онъ подавить васъ своею грандіозностью и нельзя будетъ получить о немъ яснаго представленія. Вотъ почему мы, хотя и удалились уже на полстолѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя, все таки еще не имѣемъ и до сихъ поръ полной оцѣнки значенія для общества литературнаго наслѣдія нашего украинскаго гения русской земли.

Щедринъ писалъ: „здоровая традиція всякой литературы, претендующей на воспитательное значеніе, заключается въ подготовленіи почвы будущаго“. Подъ вліяніемъ литературы незамѣтно для самихъ себя вырабатываются новые люди и воспитывается новое общество. Такую же мысль высказалъ проф. Данилевскій въ своей статьѣ: „Чувство и жизнь“. Что руководитъ человѣкомъ въ его борьбѣ со зломъ, въ его стремленіяхъ къ лучшему и заботахъ о будущемъ? Что даетъ человѣку живую энергію инициативы? Отвѣчая на эти вопросы, проф. Данилевскій пишетъ: „Живое чувство, не всегда сознательное, не всегда могучее, защищаетъ человѣка отъ опасности и гибели... Мы чувствуемъ потребность въ идеальныхъ построеніяхъ, мы стремимся къ лучшему во всѣхъ областяхъ нашей жизни, хотя бы и недостижимому“.

Идеаль будитъ человѣческій умъ, даетъ ему творческую силу и направляетъ людей къ плодотворной общественной дѣятельности. Такое направленіе мыслей и дѣятельности ярко проявилось въ шестидесятые годы, какъ харак-

тернѣйшая ихъ черта и особенность. Это эпоха господства идеаловъ и созидательныхъ началъ, эпоха вѣры въ торжество справедливости и въ осуществленіе добра и правды, эпоха подъема мысли и духа, эпоха реформъ—освобожденія крестьянъ, учрежденія новаго суда, введенія земскаго и городского самоуправленій, проведенія школьной, университетской и др. реформъ. Такую эпоху Россія переживала только въ царствованіе Петра Великаго. Но какая разница между этими двумя великими историческими моментами! Въ то время, какъ Петръ Великій все творилъ только силой своего гения безъ участія общества, которому навязывалъ нововведенія сверху, и едва могъ найти для осуществленія своихъ плановъ отдѣльныхъ исполнителей, сотрудииковъ и помощниковъ, Императоръ Александръ II сталъ во главѣ русскаго общества и стремился къ тому, чтобы общество своими силами, самостоятельно выработало и осуществило необходимыя реформы, дабы эти реформы не были навязаны сверху, а явились бы продуктомъ общественнаго самосознанія. Такимъ образомъ, эпоха 60-хъ годовъ была эпохой господства творческихъ идей, созданія и разработки идеаловъ и осуществленія ихъ въ жизни общественными силами. Для этого необходимы были солидная подготовка общества и его живыхъ силъ, выработка и кристаллизація общественнаго сознанія. Необходимы были и дѣятели, способные къ практической работѣ и къ осуществленію того, что выработано сознаніемъ. Главная роль въ этой работѣ насажденія „потребности въ идеальныхъ построеніяхъ“, въ возбужденіи „стремленія къ идеалу“ и въ подготовкѣ „почвы будущаго“ принадлежитъ такимъ писателямъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Щедринъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Котляревскій, Квитка-Основьяненко, Гулакъ-Артемовскій, Шевченко, Марко-Вовчокъ, Костомаровъ, Кулишъ и др. Въ обществѣ этихъ литературныхъ общественныхъ дѣятелей фигура Н. В. Гоголя выдвигается особенно высоко и ярко. Своими художественными произведеніями, въ которыхъ онъ артистически изобразилъ темныя и свѣтлыя стороны жизненной дѣйствительности, Н. В. Гоголь будилъ обывателя и общество къ самосознанію и самодѣятельности, далъ толчекъ къ работѣ мысли въ этомъ направленіи и тѣмъ послужилъ творческой эпохѣ 60-хъ

годовъ, улучшенію, развитію и совершенствованію жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, формахъ и видахъ.

Всѣ литературные критики и изслѣдователи съ 40-хъ годовъ сосредоточивали свое вниманіе на этой сторонѣ значенія произведеній Н. В. Гоголя для русскаго общества и справедливо подчеркиваютъ вліяніе ихъ на русское самосознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и огромное значеніе ихъ для русской общественности. Назовемъ, напр., Бѣлинскаго, Чернышевскаго, А. Григорьева, Пыпина, А. Н. Веселовскаго, С. Венгерова, Петрова, П. Кулиша, Овсяннико-Куликовскаго, Н. Котляревскаго, Мандельштама. Но всѣ они, за исключеніемъ отчасти Петрова и Кулиша, говорятъ о значеніи произведеній Гоголя только для „русскаго“ общества и тѣмъ роль великаго писателя суживаютъ. Разнообразіе человѣческихъ интересовъ создаетъ разнообразныя общенія или общества. Такимъ образомъ, жизнь представляетъ собою сложную совокупность разнообразныхъ общеній, каторыя, имѣя каждое свое собственное существованіе, въ то же время объединяются въ сложное гармоническое цѣлое. Эти отдѣльныя общенія, несмотря на все ихъ разнообразіе и на всѣ ихъ различія между собою, будучи неразрывно связаны съ общимъ пульсомъ жизни въ ея соціальныхъ проявленіяхъ и существуя въ гармоническомъ сочетаніи, какъ внутри себя, такъ и между собою, питаются общимъ для нихъ жизненнымъ сокомъ, но въ то же время питаются и живутъ каждое прежде всего тѣмъ, что болѣе соотвѣтствуетъ индивидуальной природѣ его. Вслѣдствіе этого всякія нарушенія въ жизни такого отдѣльнаго существованія отражаются не только на жизни его, но создаютъ послѣдствія и для общаго, какъ и наоборотъ.

Кромѣ русскаго, или, по терминологіи проф. Овсяннико-Куликовскаго, общерусскаго общества, существуютъ также великорусское, малорусское (правильнѣе—украинское, такъ какъ Малороссія заключаетъ въ себѣ только Полтавскую и Черниговскую губ.) и бѣлорусское общества. На эти общества произведенія Гоголя тоже оказали свое, но специальное, вліяніе и для нихъ эти произведенія имѣютъ, помимо общаго, свое специальное значеніе. До сихъ поръ этому вопросу еще почти не удѣлялось вниманія. О значеніи произведеній Н. В. Гоголя и его личности, какъ писателя, для

украинской общественности мы найдемъ въ литературѣ лишь слабыя намеки. Больше всѣхъ объ этомъ писали Кулишъ и Петровъ. Лишь теперь, въ юбилейные дни, появилась на эту тему небольшая статья проф. Грушевскаго въ „Літ. Наук. Віст.“ и нѣсколько замѣтокъ въ газетѣ—„Рада“. Все это, впрочемъ, напечатано лишь въ украинской литературѣ, а въ русской и сейчасъ нѣтъ ничего по этому предмету.

Для оцѣнки дѣятельности писателя и заслугъ его передъ обществомъ, мы должны разсмотрѣть его въ обстановкѣ его времени и среды, причемъ имѣть въ виду не то, что писатель передумалъ или перечувствовалъ, а то, какія мысли и чувства онъ вложилъ въ свои произведенія и что дали намъ его произведенія, въ качествѣ литературнаго наслѣдія, даже независимо отъ намѣреній и желаній автора. Такимъ образомъ, и для отвѣта на вопросъ о значеніи Н. В. Гоголя для малорусскаго (украинскаго) общества, мы прежде всего должны обратиться къ исторической перспективѣ и къ обстановкѣ времени писателя.

Начиная съ Люблинской уніи (1569 г.), въ украинскую жизнь широкой волной ворвались польско-шляхетскія начала. Все это были элементы чуждые и діаметрально противоположные по своей природѣ демократическимъ идеаламъ и стремленіямъ украинскаго народа, нашедшимъ себѣ яркое выраженіе въ Запорожской Сѣчи, въ казачествѣ и во всемъ народномъ строѣ жизни и быта, того народа, который понималъ значеніе этого историческаго акта, оцѣнилъ его, отнесся къ нему враждебно и, отождествляя въ вариантахъ своей думы ляха и пана, пѣлъ о томъ, что „не буде лучше, та не буде краще, якъ у насъ на Вкраїні“, потому что „та немає пана“ (ляха по вариантамъ) и „не буде й унії“. Вопреки этимъ идеаламъ, со времени Люблинской уніи верхніе слои украинскаго народа, стремясь къ пріобрѣтенію польско-шляхетскихъ правъ и привиллегій, для этого начали открыто измѣнять своей народности, вѣрѣ предковъ и выработаннымъ вѣковой исторіей языку и быту. Они, измѣняя своему народу, отрицавшему „ляха“ и „пана“, открыто превращались въ польскую шляхту, ради чего оставляли свою родную культуру и усваивали польскую. Этотъ процессъ ополячиванія верховъ послѣ соединенія Украины

короссовъ къ украинскому, въ томъ числѣ и къ украинской учености, которая стояла выше великорусской и занимала такое положеніе, что, какъ замѣтилъ проф. Кочубинскій, даже „въ письмахъ самого Петра можно встрѣтить малоруссизмы“. Украинская старшина, чтобы обѣлить себя отъ мазепинства въ глазахъ великорусскаго общества, всячески отрекалась отъ украинской народности, доводя отреченіе не только до полного отчужденія, но даже до глумленія надъ роднымъ или до высокой степени враждебности къ нему. Это, въ силу вышеуказаннаго отождествленія, было лучшимъ средствомъ не только реабилитировать себя и освободиться отъ всякаго подозрѣнія, но и возвыситься.

Процессъ отчужденія украинскихъ верховъ отъ своей національности достигъ особаго выраженія послѣ изданія жалованной грамоты дворянству (1785 г.), когда украинскимъ верхамъ дарованы были права и привилегіи російскаго дворянства и когда всѣ украинскіе верхи, въ томъ числѣ и потомки бывшихъ приверженцевъ Мазепы, оставивъ окончательно всякія мечтанія объ украинскомъ, усиленно стали добиваться признанія за ними правъ великорусскаго дворянства, заслугъ котораго никогда не имѣли, и укрѣпленія за ними своего простонародья, въ качествѣ крѣпостныхъ. Съ этого момента украинское отождествляется съ простонароднымъ, мужицкимъ, и украинскіе верхи, дабы уравниваться съ великорусскимъ дворянствомъ, особенно стремятся приобщиться къ великорусской культурѣ и отдѣлаться отъ своего украинскаго.

Такимъ образомъ въ разные моменты исторіи создавались разныя побудительныя причины къ отчужденію украинскихъ верховъ отъ своей народности и украинскіе верхи рвали всѣ свои связи съ прежней образованностью, съ родной рѣчью, съ украинскимъ языкомъ и съ національнымъ бытомъ, т. е. съ тѣмъ, чѣмъ сразу же обнаруживались ихъ дѣйствительныя происхожденіе, родство и связи. Этотъ процессъ былъ общимъ явленіемъ. Правда къ концу XVIII в. возникъ и противоположный процессъ, но онъ былъ еще только въ зародышѣ, обнаруживался въ единичныхъ случаяхъ и не носилъ идейнаго характера, а былъ лишь выраженіемъ протестующей стихіи (Лобyseвичъ, Котляревскій и

др.). Мало по малу, такимъ образомъ, украинскій народъ оказался лишеннымъ своего культурнаго класса и остался одинокимъ со своею жизнью, культурой, языкомъ и бытомъ, ставшими достояніемъ только крѣпостныхъ мужиковъ и простонародья вообще.

Разумѣется, это рѣшительнымъ образомъ отразилось прежде всего, на уровнѣ уже довольно высоко стоявшей украинской культуры, которая стала быстро падать. Историкъ Ефименкова, родомъ великоросска, войдя въ оцѣнку оставленія украинскими верхами своей народности для польской и великорусской культуръ, пишетъ, что малорусское панство этимъ, хотя и неумышленно, причинило своему народу величайшій вредъ. Указавъ на то, что „малорусское панство“ на плечахъ своего народа „воздвигло свое матеріальное благосостояніе“ и всѣмъ рѣшительно обязано ему, Ефименкова обвиняетъ его въ томъ, что оно разорило свой народъ духовно. „Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ Ефименкова, разъ языкъ народной массы превратился изъ національнаго языка въ простонародный, мужицкій, онъ переставалъ проводить въ массу культурность извнѣ, и народъ оскудѣвалъ духовно. Такъ это и было съ малорусскимъ народомъ... Не вѣдало панство, что творить“ („В. Евр.“ 91 г., № 9, „Юж. Русь“, т. I, стр. 181).

Значеніе верхнихъ слоевъ для національной культуры и національной жизни въ извѣстные историческіе періоды ея, а также для отношеній къ самой народности прекрасно пояснилъ также Владиміръ Соловьевъ. О полякахъ и ихъ народности онъ говоритъ, что „русская власть, спасая польскую шляхту отъ ярости поднявшихся хлоповъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давая этимъ послѣднимъ гражданскую и экономическую свободу, обезпечила будущность настоящей, не панской только и не хлопской, а польской Польши“ (т. V, стр. 15—16).

На Украинѣ, наоборотъ, закрѣпощеніемъ украинскаго народа (1783 г.) и изданіемъ жалованной грамоты дворянству (1785 г.), даровавшей украинскимъ верхамъ и ихъ потомкамъ права и привилегіи російскаго дворянства, процессъ денационализаціи и упадка украинской культуры былъ усиленъ. Съ этихъ моментовъ малорусскіе верхи особенно

сильно старались доказать и показать свое благородное происхождение прежде всего отсутствием у них чего бы то ни было общаго съ украинской народностью въ кровномъ отношеніи, во внѣшности, въ языкѣ, въ бытѣ и т. д., а вмѣсто того наличностью великорусскихъ элементовъ жизни и культуры. Дѣло дошло до того, что потомки казацкихъ героев-рыцарей просто боялись обнаружить свое родство и близость съ украинскимъ народомъ, чтобы тѣмъ не обнаружить въ себѣ передъ другими чего либо простонароднаго, и такимъ образомъ, въ отношеніи къ проявленію своей народности, показали даже жалкую трусливость. У нихъ отчужденіе отъ украинской народности почиталось украшеніемъ и даже чуть не добродѣтелью.

Разумѣется, все это, начиная съ поведенія украинскихъ верховъ и кончая культурнымъ оскуднѣніемъ украинскаго народа, должно было отразиться на отношеніяхъ великороссовъ къ малороссамъ и малорусскому самымъ рѣшительнымъ образомъ и только отрицательно. Какая разница въ отношеніяхъ великорусскаго общества къ польскому и украинскому элементамъ, не смотри на то, что Польша культурно стояла не выше Украины, была побѣждена и раздѣлена между государствами, а Украина присоединилась къ Московіи добровольно на началахъ братства и дала великороссамъ изъ своего Кіева образованность! Польскій народъ остался съ своимъ культурнымъ классомъ, который и репрезентовалъ его, а украинскій народъ мало по мало оказался лишнимъ своего культурнаго класса и превратился только въ мужиковъ, отношенія къ которымъ въ крѣпостническія времена только и могли быть высокомерными, презрительными, унижающими. Такъ какъ мужиками олицетворялась вся украинская народность, то эти отношенія были перенесены и на народность. Къ униженію малорусскаго послужило въ числѣ многаго еще одно обстоятельство. Въ то время, какъ великорусскіе верхи старались отдѣлаться отъ великорусскаго, чтобы превратиться въ иностранцевъ и тѣмъ проявить благородство, образованность и культурность, такъ что „почти забыли русскій языкъ“ и потомъ потребовалось „постепенное введеніе русскаго языка въ высшихъ классахъ“ (Пыпинъ), украинскіе верхи (а за верхами, подражая имъ,

всегда тянется и ниже стоящее), считая свое родное просто-народнымъ, мужицкимъ, для проявленія своего благородства, образованности и культурности, старались усвоить великорусскую культуру и показать себя великороссами. Выходило, что малорусскіе верхи считали облагораживающимъ и возвышающимъ ихъ то, что великорусскіе верхи признавали для себя признакомъ некультурности, невѣжества, мужичества, чуть не дикости. Начавшійся въ великорусскомъ обществѣ послѣ 1812 г. протестъ противъ этого долго былъ дѣломъ отдѣльныхъ лицъ и развивался не быстро. Разумѣется, къ такому украинскому панству великорусское панство не могло питать уваженія, тѣмъ болѣе, что видѣло постоянныя униженія украинскихъ верховъ передъ великороссами ради искательства и достиженія возвышеній и правъ. Такія чувства переносились и на все украинское, ставшее синонимомъ простонароднаго, мужицкаго, которое въ крѣпостническія времена не могло пользоваться не только уваженіемъ, но даже признаніемъ. Уже одно то, что украинскіе верхи, желая показать себя выше своей народности, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать о своемъ благородствѣ и культурности, считали необходимымъ унижать и высмѣивать родное на все лады, полагая, что это лучший способъ показать отсутствіе въ себѣ того самаго, не доставивъ имъ доброй репутаціи и уваженія, освобождало и чужихъ людей отъ всякихъ церемоній въ отношеніи украинскаго. Недостатокъ у народа своихъ собственныхъ общественныхъ верховъ и своей интеллигенціи, унижалъ народъ не только въ глазахъ сосѣдей, имѣвшихъ все это и считавшихся съ этимъ, но и въ собственныхъ глазахъ.

Такимъ образомъ, благодаря вышеуказаннымъ причинамъ, украинское въ глазахъ великорусскаго общества стало признаваться низкимъ, достойнымъ лишь насмѣшки, глумленія, презрѣнія и даже издѣвательства. Поэтому и самое украинское происхождение въ глазахъ великороссовъ стало уже извѣстное пятно на человѣкѣ и создавало къ нему неблагоприятное отношеніе со стороны великорусскаго общества. Высокомѣрное и презрительное отношеніе великорусскаго общества къ украинскому элементу отразилось и на отношеніяхъ великороссовъ къ Н. В. Гоголю. Для иллю-

страціи сказаннаго позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя ссылки.

Въ 1807 г. „Вѣстн. Евр.“, напечатавъ нѣсколько строчекъ по украински, извинялся передъ читателями за свой поступокъ и оправдывался тѣмъ, что вынужденъ былъ сдѣлать это въ видѣ уступки и въ угоду нѣкоторымъ украинцамъ. Въ то время уже проявилось украинское культурное возрожденіе (Лобyseвичъ, Котляревскій и др.). Когда засимъ появилась статья проф. Бандке о древности украинскаго яз., то „В. Евр.“ въ 1815 г. разразился протестомъ противъ такого возвышенія украинскаго языка, позволилъ себѣ глумленія надъ нимъ и говорилъ, что этотъ языкъ пригоденъ только „на жарты“. Когда имя Н. В. Гоголя стало пользоваться славой, то Гречъ, Кукольникъ, Булгаринъ, Сенковскій и др. великорусскіе журналисты не находили словъ для глумленій надъ нимъ за украинскіе сюжеты и украинскія выраженія въ его произведеніяхъ, а журналъ „Библ. для чтенія“ просто объявилъ, что произведенія Гоголя по языку и темамъ представляютъ изъ себя ничто иное, какъ „грязный малороссійскій жартъ“. Гоголя называли бездарностью, обвиняли въ отсутствіи у него вкуса, говорили, что онъ загрязнилъ и засорилъ русскую литературу и исковеркалъ русскій языкъ. И все это было высказано прежде всего по поводу его чудныхъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Тараса Бульбы“, т. е. по поводу тѣхъ произведеній, въ которыхъ украинскій элементъ жилъ и билъ ключемъ и отъ которыхъ Пушкинъ былъ въ восторгѣ. „Сейчасъ прочелъ вечера близъ Диканьки. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непридуманная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселе не образумился!... Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности“... Такъ писалъ Пушкинъ. Что касается языка, то онъ рекомендовалъ учиться русскому языку у московскихъ просфиренъ. Гоголь смотрѣлъ шире—онъ признавалъ, что русскій литературный языкъ долженъ быть не московскимъ, а обще-русскимъ, и для этого черпалъ матеріалы изъ великорусской, украинской и бѣлорусской сокровищницъ. Этими

Гоголь углубилъ и расширилъ русло созданія русскаго литературнаго языка и оказалъ ему неоцѣнимую услугу.

Аксаковъ признавалъ за Гоголемъ великія заслуги, какъ за украинцемъ, и писалъ, что не будь Гоголь по происхожденію украинцемъ, онъ не написалъ бы такихъ дивныхъ произведеній, такъ какъ въ нихъ отражается то, что заключаетъ въ себѣ богатая національная природа украинца.

• Но такихъ, какъ Пушкинъ и Аксаковъ, было очень мало. Большинство изъ великорусской интеллигенціи смотрѣло на украинцевъ свысока, не питало къ ихъ національному и даже человѣческому достоинству никакого уваженія, не признавало ихъ и относилась къ нимъ, какъ Гречъ, Булгаринъ, Сенковскій, Кукольникъ и т. п., или какъ Тургеневскій Пигасовъ. Это большинство осмѣивало Гоголя, какъ и все украинское вообще, и относилось къ Гоголю враждебно. А насколько это большинство было господствующимъ, объ этомъ можетъ посвидѣтельствовать Тургеневъ, который пишетъ, что въ 40—50 годахъ руссійское общество поклонялось, какъ богамъ, Гречу, Кукольнику, Булгарину и т. п., т. е. именно тѣмъ, которые больше всѣхъ возмущались украинскимъ элементомъ въ твореніяхъ великаго украинца-писателя. Это поклоненіе было столь великимъ, что въ 1859 году, когда Тургеневъ, читая публичную лекцію, упомянулъ въ ней о Бѣлинскомъ, относившемся къ Гречу и К^о отрицательно, то одно упоминаніе имени Бѣлинскаго вызвало въ слушателяхъ бурю негодованія по адресу лектора. Вліяніе этой партіи было столь огромнымъ, что имя Гоголя сдѣлалось запретнымъ и Тургеневъ за простую замѣтку о смерти великаго писателя земли русской, по проискамъ Мусянъ-Пушкина, отсидѣлъ мѣсяць подъ арестомъ, т. к. и „имя Гоголя не велѣно упоминать“. (Полн. собр. соч. И. С. Тургенева, изд. Маркса, 1898 г. т. 12, стр. 33, 69, 70, „Лит. и жит. воспоминанія“ И. С. Тургенева).

Такое отношеніе къ украинскому существовало не только въ тѣхъ кругахъ великорусскаго общества, которые исповѣдывали и проводили въ жизнь идею „официальной народности“, но и среди славянофловъ, которые провозглашенную ими идею о русской народности суживали до представленія о великорусской народности, а къ украинско-

му относились только мягче, но одинаково отрицательно. Наконец, и западники, за рѣдкимъ исключеніемъ, относились къ украинскому не лучше. Вліяніе декабристовъ, весьма замѣтное во время Гоголя, было рѣшительно противъ украинскаго. Находясь подъ вліяніемъ ученій Монтескье, Бентама, Дестю-де-Траси, Дюмона, Геерена и др., отстаивавшихъ права личности, декабристы однако поверхностно усвоили себѣ идею о личности и въ отношеніи къ проявленію народности доходили до отрицанія элементарныхъ правъ ея. Исповѣдуя, что „всея россійскіе граждане должны одинаковымъ образомъ пользоваться всеми правами частными, гражданскими и политическими, и пользоваться ими на цѣломъ пространствѣ государства“, декабристы вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдывали, что „всея племена Россіи должны быть слиты въ одинъ народъ такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства Россійскаго государства были всея русскіе“, для чего необходимо вездѣ, хотя бы и мѣрами насилія, уничтожить всея племенные особенности такъ, чтобы всея „обрусѣли“ и чтобы „исчезли даже различія имени для отдѣльныхъ составныхъ частей Россіи“ (Пестель, „Рус. Пр.“). У декабристовъ всея понятія объ общеніяхъ сводились къ понятію о государственномъ общеніи и государственное единство отождествлялось съ національнымъ, вслѣдствіе смѣшенія этихъ понятій.

Въ декабристской программной „Рус. Правдѣ“ Пестель рѣшительно заявлялъ, что отдѣльнымъ народностямъ въ Россіи не слѣдуетъ предоставлять никакихъ правъ, дающихъ возможность развивать свои національныя культуры и особенности. Что же касается „Малороссіи, Украинны и Бѣлороссіи“, то Пестель о нихъ сдѣлалъ особую оговорку, что за ними особенно не слѣдуетъ признавать никакихъ особенностей, ни отдѣльныхъ условій жизни, а всея силы направить на „обрусѣніе“ ихъ. Исключеніе декабристы дѣлали только для поляковъ, имѣвшихъ свою шляхту, стремившуюся къ возсозданію своей польской государственности. Таково было своеобразное и недостаточное пониманіе общеній, сводившееся къ признанію только государственной формы общенія и смѣшенію государственности съ національностью до полного отождествленія этихъ понятій.

Позже такой вліятельный представитель западничества, какъ Бѣлинскій, къ голосу котораго Гоголь особенно прислушивался, даже и послѣ отреченія своего отъ Гегелианства, тоже относился къ украинскому съ нескрываемымъ высокомеріемъ, презрѣніемъ и враждебностью.—До такой степени эти отношенія вкоренились въ понятія великорусскаго общества. Припомнимъ разборъ Бѣлинскимъ произведеній Квитки Основяненка и др., его отзывъ въ 48 г. о Шевченкѣ, Кулишѣ и др., эпитеты „хохлацкій радикаль“, „хохлацкій патріотъ“, доходившіе до грубой брани, его презрительныя и въ высшей степени оскорбляющія восклицанія въ родѣ: „Охъ, эти мнѣ хохлы!.. Либеральничаютъ во имя галушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ!“ и т. д. (Анненковъ и его друзья. Лит. восп. и переп. 1835—1885 г. стр. 604 и сл.).

Высокомѣрное презрѣніе и неприязнь къ малорусскому ослѣпили страстный умъ Бѣлинскаго, несмотря на всю его любовь къ истинѣ, до такого пристрастія, что онъ проглядѣлъ въ украинскомъ поэтѣ Шевченко великаго народнаго поэта, а разбирая „Мертвыя души“ поставилъ Гоголю въ великую заслугу то, что онъ, наконецъ, „совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента, послѣ чего „при каждомъ словѣ“, его произведенія читатель можетъ сказать: „здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!“ (Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 730, изд. 96 г.). Въ этомъ отношеніи Бѣлинскій не отставалъ отъ Греча, Кукольника, Булгарина, Сенковского и др. хулителей великаго писателя за его украинскіе элементы, которыми въ дѣйствительности онъ такъ обогатилъ и русскій языкъ, и русскую литературу. Для отношеній къ малорусскому весьма характерно, что имя „русскаго“ и „Руси“ монополизируется только для великорусскаго, а малорусское уже не русское. Исконная коренная украинская Русь, отъ которой ея сѣверная сестра съ 14 вѣка переняла названіе Руси, лишена по этому сужденію „русскаго духа“ на столько, что отъ нея даже не пахнетъ Русью, а украинскій народъ, оставаясь собою, не смѣетъ называть себя русскимъ! Только при такихъ понятіяхъ великорусскаго общества и отношеній къ украинскому могло явиться слѣдующее.

Въ великорусскомъ обществѣ не хотѣли вѣрить, что человекъ малорусскаго происхожденія можетъ обладать та-

кими талантомъ и способностями, какими обладаетъ Гоголь. Возникъ споръ: дѣйствительно ли Гоголь „хохолъ“, а не великороссъ, и какая у него душа—великорусская, или „хохлацкая“. Не можетъ быть, говорили они, чтобы такія произведенія могли быть продуктомъ дѣятельности малорусской души, которую они ставили низко, высмѣивали и презирали. Этотъ споръ дошелъ и до Гоголя, который въ отвѣтъ написалъ Смирновой въ 1844 г. слѣдующее: „Скажу вамъ одно слово на счетъ того, какая у меня душа—хохлацкая или русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа—хохлацкая или русская. Знаю только, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину предъ русскимъ, ни русскому предъ малороссіяниномъ. Обѣ природы щедро одарены Богомъ и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой—явный знакъ, что онѣ должны дополнять одна другую“.

Сила предубѣжденія противъ малорусскаго была такъ велика, что Гоголь, прекрасно знавшій, судя по его перепискѣ съ Максимовичемъ, какая у него душа и кто онъ, и далеко не равнодушный къ украинскому, не осмѣлился открыто заявить о своей малорусской народности, а отвѣтилъ политично, деликатно, но уклончиво, не протестуя въ то же время противъ обиднаго прозвища „хохолъ“ и попуская отождествленію русскаго съ великорусскимъ до полного совпаденія. Но въ этомъ отвѣтѣ Гоголь не отрекся отъ украинской народности и поставилъ ее не ниже великорусской. Это не могло не быть поучительнымъ и должно было произвести свое впечатлѣніе и воздѣйствіе въ пользу украинскаго. Не надо забывать, что въ то время большинство русскаго общества, по выраженію Вл. Соловьева, въ исповѣданіи своей народности доходило до самообожанія и, какъ замѣтилъ Пыпинъ, даже болѣе здоровые элементы народолюбія превозносили Московскій до-Петровскій бытъ, какъ истинное выраженіе русскаго, т. е. великорусскаго, народнаго духа, возводили его „на степень новаго принципа цивилизаціи“, считали московскій бытъ чистымъ, безъ примѣси рус-

скимъ, ко всякому иному быту относились враждебно, утверждали, что „западъ гнѣтъ“, видѣли спасеніе всѣхъ и запада только въ усвоеніи московскихъ началъ и говорили, что насъ „боится Европа“, „мы велики“, „мы лучшій народъ“, за нами все будущее челоѳчества. (Пыпинъ, „Хар. лит. мн.“, изд 1906 г., „Народность официальная“ и „Славянофильство“).

И вотъ этому обществу Гоголь заявляетъ, что онъ не дастъ преимущества великороссіянину предъ малороссіяниномъ! Всѣ критики единогласно признаютъ, что Гоголь своею литературною дѣятельностью сослужилъ величайшую службу самосознанію русскаго общества, разбудивъ его, открывъ ему глаза на печальную дѣйствительность и выведя его изъ кошмара самовозвеличенія и самообольщенія. Но, помимо этого, Гоголь прямо заставилъ русское общество произвести переоцѣнку и своихъ отношеній къ украинской народности. Этимъ онъ сослужилъ огромную службу украинскому народу, дѣйствуя и словомъ, и своею личностью въ пользу украинской народности. Своимъ отвѣтомъ на споръ о томъ, какая у него душа, Гоголь рѣшительно заявилъ вліятельному въ то время кружку, что великороссы должны цѣнить и уважать украинское не меньше своего, ибо украинское не ниже великорусскаго. Но главное еще не въ этомъ. Талантъ Гоголя въ концѣ концовъ не могли не признать даже его враги. Въ общемъ Гоголя ставили наравнѣ съ Пушкинымъ, которому тогда поклонялись всѣ рѣшительно, но были голоса и за то, что Гоголь выше Пушкина и по таланту, и по значенію. Его произведеніями изъ украинской жизни и исторіи зачитывались, его украинскими сюжетами восхищались, его украинскими героями и украинскимъ юморомъ восторгались. Самъ Пушкинъ прежде всего былъ въ восторгѣ отъ нихъ! И все это великороссы должны были признать за челоѳкомъ украинской народности, которую они презирали и ставили такъ низко! Своею особой, своими произведеніями изъ украинской жизни и исторіи, и своими литературными успѣхами Гоголь показалъ русскому обществу, какая сила духа живетъ въ украинскомъ народѣ, какъ богата природа украинца и сколь великія силы заложены въ основѣ украинской духовной стихіи. Этимъ

онъ возбудилъ и оживилъ у великороссовъ особый интересъ къ Украинѣ и изученію ея, который только началъ было зарождаться, благодаря дѣятельности украинскихъ писателей.

Кулишъ въ своемъ предисловіи къ „Черной Радѣ“ въ 1857 г. писалъ: „Со времени Гоголя взмѣняе великороссовъ на натуру украинца перемѣнился; почували въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человекъ, живетъ сильною жизнью и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной природы сѣверно-русскаго человека. Поселивъ это убѣжденіе въ русскоѣ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну Сѣверную Русь и чуждаются Южной. Съ другой стороны, украинцы, призванные имъ къ сознанию своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою... Назначеніе Гоголя было — внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки“.

Такимъ образомъ, Гоголь своей особой и дѣятельностью произвелъ цѣлый переворотъ въ великорусскомъ сознаниіи относительно украинской народности и рѣшительнымъ образомъ далъ толчекъ къ измѣненію оскорбительныхъ и презрительныхъ отношеній великорусскаго общества къ украинскому элементу на отношенія симпатій, уваженія и дружбы. Въ этомъ великая заслуга Гоголя передъ украинскимъ народомъ и обществомъ.

Но еще большую заслугу мы должны признать за нимъ въ національномъ отношеніи. Первымъ на это указалъ, хотя мимоходомъ, Кулишъ. Впоследствии проф. Петровъ въ своихъ „Очерк. укр. лит.“ подчеркнул это указаніе замѣчаніемъ, что Гоголь своей особой и литературной дѣятельностью первый кликнулъ украинцевъ къ чувству и сознанию въ себѣ своей національности и своего національнаго достоинства. Эти указанія, высказанныя нерѣшительно и мимоходомъ, не произвели надлежащаго впечатлѣнія. На-

противъ, тенденціозные писатели, политиканы и люди, которымъ родное не дорого, вслѣдствіе чего они отреклись или всегда готовы отречься отъ него, всѣми силами стремились сдѣлать изъ Гоголя орудіе разрушенія всего малорусскаго и старались распространить убѣжденіе, будто Гоголь и словомъ, и примѣромъ рѣшительно указали украинцамъ на необходимость отказаться отъ своей духовной природы и своей культуры, забыть свою исторію и родной языкъ, отрѣшиться отъ своей народности, обезличиться и въ то же время переродиться и превратиться, если не въ великороссовъ, то въ общероссовъ. Такія же требованія, но только въ пользу польскаго, предъявляли украинской народности и съ польской стороны. Эти люди, какъ замѣтилъ Катковъ въ 1861 г. въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ еще въ пользу украинскаго (въ отвѣтъ на статью въ „Основѣ“ 61 г.), смѣшивали или отождествляли понятія о единеніи людей съ „единоображеніемъ“ ихъ, единство народовъ съ единообразіемъ народностей, а политическое единство съ этнографическимъ, и, такимъ образомъ, ради своихъ предпосылокъ, измышлений, теорій и заблужденій, вредныхъ для человечества и для государства, готовы были пересоздать исторію, природу народностей, душу человека и все дѣло рукъ Божіихъ по своему.

Мы уже видѣли, въ какомъ жалкомъ положеніи въ 18 и 19 в. оказалась украинская народность и въ какомъ упадкѣ въ украинскомъ обществѣ было чувство своей національности и своего человѣческаго достоинства. Совершенно естественно, что въ той же средѣ, въ которой жертвовали своей народностью, стихійно возникъ и сталъ развиваться противоположный процессъ—стремленіе къ возрожденію и развитію украинской культуры, а прежде всего своего языка и литературы на немъ. Это движеніе росло и оказало свое вліяніе на Гоголя. Не будемъ удаляться къ тѣмъ временамъ, когда украинское національное чувство выливалось въ лѣтописной формѣ произведеній, какъ у Суховіенка, Величка, Грабянки, Самовидца и др. Самовидецъ въ своей лѣтописи вездѣ употребляетъ одно названіе „Украина“ и окружаетъ его всевозможными эпитетами любви и патріотическаго чувства. Мы укажемъ лишь на конецъ 18 и на пер-

вую половину 19 вѣка, такъ какъ для нашей задачи достаточно и этого. Уже въ 1767—1776 г. Лобyseвичъ написалъ на украинскомъ языкѣ своихъ „Віргіліевихъ пастухів“. Въ 1798 г. издана была „Энеида“ Котляревскаго. Эта книга такъ быстро разошлась, что до 1809 года потребовалось три изданія ея. Популярность „Энеиды“ была необычайна: Геттингенскія (нѣмецкія) вѣдомости напечатали рецензію о ней и замѣтку о Котляревскомъ; Наполеонъ имѣлъ ее въ своей библіотекѣ; Императоръ Александръ I читалъ ее и заинтересовался авторомъ. Въ 1819 г. напечатана была „Натавка Полтавка“, а засимъ „Москаль Чарівник“. Отецъ Н. В. Гоголя—В. А. Гоголь самъ писалъ украинскія драматическія произведенія, изъ которыхъ „Простаки“ и до сихъ поръ не сошелъ со сцены. Стихийное влеченіе къ украинскому побудило такихъ вельможъ, какъ Куракинъ, Троцинскій и т. п., ставить на своихъ домашнихъ сценахъ украинскія пьесы, въ которыхъ играли помѣщики, помѣщицы и ихъ дѣти. На этихъ сценахъ выступали отецъ и мать Н. В. Гоголя и самъ онъ принималъ постоянное участіе, а въ Нѣжинскомъ лицей и самостоятельно устраивалъ украинскіе спектакли. Въ украинскіхъ роляхъ впервые обнаружилъ свой талантъ и знаменитый Щепкинъ. Украинская стихія, хотя и на панскій ладъ, хотя и далеко отъ какой бы то ни было идейности, просыпалась, росла и ширилась.

Сильный толчекъ этому далъ Харьковскій университетъ съ своимъ кружкомъ украинскіхъ поэтовъ и писателей, а также своими изданіями. Въ Харьковѣ возникъ даже специальный журналъ для этого: „Украинскій Вѣстникъ“, въ которомъ съ 1816 г. проф. Гулакъ-Артемевскій печаталъ свои малорусскія стихотворенія. Пробудившаяся стихія на столько чувствовалась и такъ заявляла о себѣ, что, уступая желаніямъ украинцевъ, произведенія на украинскомъ языкѣ стали помѣщать и русскіе журналы. Такъ, напр., мы находимъ ихъ въ „Вѣст. Евр.“ въ 1807, 1827, 1829 г., въ „Славяникѣ“ за 1827 г., въ „Москов. Телегр.“ за 1831 г., въ „Утренней Звѣздѣ“ за 1833, 1834 г., въ „Телескопѣ“ за 1832 г., въ „Отеч. Зап.“ за 1841 г. и т. д. Въ то же время малорусскія произведенія печатаются и самостоятельными изданіями. Собираются пѣсни, сказки, пословицы, думы и

т. п. произведенія украинской народной словесности. Бантышъ Каменскимъ печатается „Исторія Малой Россіи“, съ посвященіемъ Государю; собираются и печатаются украинскія лѣтописи. Назовемъ такихъ украинскіхъ авторовъ и ученыхъ, какъ Бецкій, Бодянский, Боровиковскій, Костомаровъ, Гребинка, Гречулевичъ, Гулакъ-Артемевскій, Довгоносенко, Евецкій, Забила, Илькевичъ, Квитка-Основяненко, Котляревскій, Кулишъ, Корсунъ, Лукашевичъ, Максимовичъ, Метлинскій, Смирницкій, Срезневскій, Тополя, Шевченко, Щеголевъ и др., писавшіе при жизни Гоголя. Припомнимъ, что произведенія малорусскіхъ писателей расходились больше въ рукописяхъ, чѣмъ въ печатномъ видѣ, и мы представимъ себѣ, какъ стихійный интересъ къ украинскому пробуждался, росъ и росъ. Уже приведенный перечень дѣятелей свидѣтельствуетъ объ украинскомъ культурно-національномъ возрожденіи во времена Гоголя и о пробудившемся интересѣ къ украинскому. Совершенно естественно, что Гоголь не могъ не знать объ этомъ и не чувствовать этого—больше того: у него были пріатели между названными учеными и писателями. И въ русской литературѣ этотъ интересъ уже сталъ замѣтно обнаруживаться появленіемъ произведеній на украинскіе сюжеты. Укажемъ на Свиньина, который печаталъ такія произведенія и съ которымъ Гоголь былъ знакомъ. Такимъ образомъ, поселившись въ Петербургѣ, Гоголь не могъ не замѣтить и изъ литературы, и изъ встрѣчъ съ земляками пробужденія интереса къ украинскому элементу. Уже однимъѣтнимъ можно объяснить, почему усилился интересъ къ украинскому и у Гоголя на столько, что онъ въ письмахъ обращался къ своей матери съ просьбой присылать ему въ записяхъ пѣсни, сказки, рассказы, описанія быта, воспоминанія о старинѣ, названія всякихъ національныхъ предметовъ и т. д.

У Гоголя вообще украинская струна была такъ натянута и настроена, что откликалась на все родное. Онъ никогда не переставалъ чувствовать свое психологическое родство съ украинской народностью. Элементами ея, какъ это доказалъ до наглядности проф. Мандельштамъ въ своемъ изслѣдованіи „О характерѣ Гоголевскаго стиля“, проникнуто все его творчество до такой степени, что на нихъ оно

и создавалось, и опиралось, и росло, и выросло. Но только что указанное литературное явление не имѣло общаго и принципиальнаго характера, не было „выраженіемъ живой національной формы“, а представлялось лишь стихійнымъ и выражалось потому только въ стихійно-историческомъ процессѣ: оно было покаместъ лишь потребностью и голосомъ природы, или дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, но не продуктомъ самосознанія, не дѣломъ общественнаго идейнаго служенія. Вслѣдствіе этого и интересъ къ украинскому, и симпатія къ нему, и самое движеніе въ пользу украинскаго возрожденія носили стихійный и этнографическій характеръ. Для того, чтобы это движеніе приобрѣло себѣ идейное содержаніе и принципиальное значеніе, надо было много времени на его развитіе и кристаллизацию въ сознаніи. Для этого необходима была огромная и продолжительная уметвенная работа, которая выразительно проявила себя въ кристаллизованномъ видѣ только по смерти Гоголя въ 1860 годахъ. При наличности въ украинскомъ обществѣ стихійнаго движенія Гоголь своими гениальными поэтическими произведеніями изъ украинской жизни и исторіи, своими „Вечерами“ и „Тарасомъ Бульбой“, показавъ въ нихъ положительныя типы и положительныя идеальныя стороны быта, вліялъ положительно и на сознаніе этого общества. Этимъ онъ оказалъ на украинцевъ огромное вліяніе и далъ сильный толчекъ къ кристаллизациі національной мысли для перерожденія ея въ идейное общественное украинское культурное движеніе. Своими произведеніями онъ оказалъ огромное вліяніе и на характеръ украинской литературы, усиливъ въ ней стремленіе къ реализму. Заслуга Гоголя въ этихъ отношеніяхъ передъ украинскимъ обществомъ не меньшая, чѣмъ передъ русскимъ.

Гоголь и въ Петербургѣ пріѣхалъ уже съ украинскими симпатіями, пробудившимися у него довольно рано. Этимъ онъ обязанъ былъ не только своему происхожденію, но и той обстановкѣ, въ которой росъ, учился и жилъ. Въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ Гоголь постоянно встрѣчался и имѣлъ дѣло съ украинскимъ народомъ и, такимъ образомъ, его постоянно окружала украинская народная стихія. О панскомъ кругѣ мы уже говорили. Родственники

у Гоголя были по своему происхожденію и связямъ украинцы, причемъ занимали высокое общественное положеніе. Врядъ ли Гоголь могъ почерпнуть что либо отъ панства въ особенности, но родственники его имѣли свои традиціи и часто вспоминали о предкахъ, между которыми по отцу—Остапъ Гоголь былъ наказнымъ гетманомъ, а по матери—Танскій былъ извѣстный украинскій писатель XVIII вѣка, написавшій нѣсколько украинскихъ интерлюдій въ простацкомъ жанрѣ. Историческія воспоминанія и фамильныя традиціи здѣсь не могли не быть живыми, ибо въ условіяхъ тогдашняго быта должны были Остапа Гоголя и Танскаго поминать съ особеннымъ уваженіемъ и гордостью, вспоминая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ дѣла, поступки и жизнь, а также тѣ событія, въ которыхъ они принимали участіе. Благодаря Остапу Гоголю, не надо было особенно заботиться ни о родословной, ни о доказательствахъ дворянскихъ правъ, ни о документахъ на дворянство. А это въ тѣ времена было дѣломъ весьма серьезнымъ. Не даромъ, какъ извѣстно теперь, послѣ жалованной грамоты дворянству, въ Варшавѣ, Бердичевѣ и др. городахъ открылись конторы для фабрикаціи документовъ и родословныхъ на дворянство, вслѣдствіе чего лѣтъ черезъ 15—20 послѣ заявленія депутатовъ малорусскаго панства, что у него документовъ на дворянство нѣтъ, такъ какъ пожары, бунты и войны уничтожили ихъ, при разборѣ дворянскихъ правъ въ Малороссіи, вдругъ, оказалось до 100,000 дворянъ съ документами (Ефименкова, „Южн. Русь“, т. I, стр. 186; проф. Романовичъ—Словатинскій, „Дворянство въ Россіи“, „Кіев. Стар.“, 1888 г., т. I, стр. 107—108). У Гоголей дѣло стояло такъ ясно и прочно, что они должны были по современнымъ правамъ, гордиться передъ сосѣдями своимъ шляхетскимъ званіемъ и имѣли достаточно фактовъ, чтобы подчеркнуть свое не просто народное, а благородное происхожденіе. На Остапѣ Гоголѣ у его потомковъ утверждалась честь и достоинство рода, а вслѣдствіе этого и о немъ самомъ, и о тѣхъ событіяхъ, съ которыми связано его имя, приходилось вспоминать и любовно, и часто. Впечатлѣнія отъ этого, безъ сомнѣнія, не проходили безслѣдно для будущаго великаго писателя. Независимо отъ этого, впечатлѣнія

тлѣнія отъ историческихъ событій въ Украинѣ и подновлялись. Въ годъ рожденія Гоголя, а засимъ вторично черезъ 11 лѣтъ правительство переселило казаковъ изъ Полтавщины и Черниговщины на Кааказъ. Въ тѣ времена еще существовали остатки запорожскихъ казаковъ, переселившихся въ Турцію и основавшихъ тамъ Задунайскую Сѣчь. Стародавнее украинское казачество было и на Кубани. Туда за Дунай и на Кубань бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ крѣпостные. Обо всемъ этомъ въ помѣщичьихъ кругахъ не могли не говорить. Всѣ такіе факты, какъ правильно говоритъ Ефименкова въ своей статьѣ о Гоголѣ, не проходятъ безслѣдно для общественнаго сознанія, а потому не могли они не оставить слѣда и въ душѣ будущаго писателя, давъ матеріаль его украинской стихіи.

Мы уже говорили о томъ, что отецъ Н. В. Гоголя былъ украинскимъ писателемъ. Самъ Н. В. Гоголь превосходно говорилъ по малорусски. Въ Нѣжинскомъ лицѣ воспитывались преимущественно дѣти чиновниковъ и того общества, къ которому принадлежалъ Гоголь, и разговорнымъ языкомъ у нихъ былъ украинскій языкъ, какъ дань сильной жизненной стихіи. Воспитанники ставили украинскія пьесы и въ нихъ Н. В. Гоголь принималъ живѣйшее участіе не только въ роли антрепренера и режиссера, но и въ роли актера. Вотъ та стихія, та обстановка и та атмосфера, въ которой росъ и воспитывался Н. В. Гоголь и которыя должны были, несмотря на противное всему этому направление школы, привить ему украинскія симпатіи. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Гоголь украинскій языкъ называлъ „языкомъ души“. На этомъ языкѣ онъ разговаривалъ съ земляками и съ польскими писателями съ Богданомъ Залѣскимъ и Мицкевичемъ, а Б. Залѣскому и писалъ по украински — одно изъ такихъ писемъ сохранилось и дошло къ намъ. Такимъ образомъ, украинская стихія была и стихіей Н. В. Гоголя. Но и все его украинство имѣло лишь стихійный, а не идейный характеръ, не было продуманнымъ настолько, чтобы стать сознательной потребностью духа. А на сколько безсознательное стремленіе къ возрожденію украинской или южно-русской культуры было сильнымъ въ своей стихіи, лучшимъ дока-

зательствомъ можетъ служить то, что даже русскіе вельможи, жившіе на Украинѣ, увлекались украинскимъ. Припомнимъ кн. Лобанова-Ростовскаго, кн. Репнина, гр. Капниста, кн. Куракина и др. У дяди Н. В. Гоголя, бывшаго министра Троцинскаго, по происхожденію сына казака, была своя домашняя сцена, на которой разыгрывались и украинскія пьесы. Для этой сцены писалъ отецъ Гоголя. На этихъ спектакляхъ бывалъ и Н. В. Гоголь.

Вотъ та стихія, изъ которой Н. В. Гоголь, какъ изъ родника, впиталъ въ себя украинскія симпатіи раньше, чѣмъ попасть въ Петербургъ, гдѣ эти симпатіи, встрѣтивъ вражду, нашли и поддержку въ интересѣ петербуржцевъ къ украинскому, возбужденномъ писателями изъ Малороссіи. А украинской литературой Гоголь интересовался, зная ее и почти всѣ свои эпиграфы взялъ изъ сочиненій украинскихъ авторовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ даже въ дружбѣ. В. А. Гоголь выписывалъ „Украинскій Вѣстникъ“ и Н. В. Гоголь читалъ его.

Любовь къ Украинѣ и къ родной стихіи у него проявлялась постоянно не только въ литературныхъ его произведеніяхъ и перепискѣ, но и въ обыденной жизни. Въ какомъ восторгѣ онъ былъ отъ украинскихъ пѣсень, которымъ посвятилъ даже цѣлую статью! „Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями! Я не могу жить безъ пѣсень: онѣ... все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь, и увы! прошедшихъ людей“...—говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Максимовичу. Дважды словомъ „увы!“ онъ подчеркиваетъ свое сожалѣніе о томъ, что прошедшее ушло. Онъ самъ собиралъ пѣсни и другихъ просилъ объ этомъ. Въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ Гоголь сложилъ цѣлый гимнъ этимъ пѣснямъ. „Пѣсни для Малороссіи все, и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не знаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи“. Онъ нѣсколько разъ подчеркнул, что въ пѣсняхъ вылились „безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи“, „минувшія страданія Малороссіи“, вся жизнь и душа ея народа, влѣдствіе чего

Эти пѣсни и звуки ихъ „живутъ, жгутъ, раздраютъ душу“. Съ такимъ восторгомъ объ украинской пѣснѣ говорили только развѣ Жемчужниковъ да извѣстный музыкальный критикъ Сѣровъ, который въ „Основѣ“ (61 г., мартъ), писалъ, что для изученія украинскихъ пѣсень и музыки мало и цѣлой жизни одного человѣка. Гоголь даже передъ смертью, когда силы оставляли его, оживалъ при звукахъ украинской мелодіи и глаза его загорались. Любовь къ исторіи и время занятій ею Гоголь отдалъ прежде всего „бѣдной Украинѣ“, а затѣмъ всеобщей исторіи. Въ статьѣ „о преподаваніи всеобщей исторіи“ Гоголь говоритъ, что онъ хотѣлъ бы научить слушателей понимать всю лѣтопись міра, развернуть передъ ними всю картину человѣческой жизни, обращая вниманіе прежде всего на этнографическій составъ, племенную психику, политику, торговлю, литературу, искусство. Здѣсь обращаютъ вниманіе два элемента, выдвинутые Гоголемъ, какъ предметъ его интереса: этнографія и племенная психика.

Планъ занятій Гоголя по исторіи Малороссіи былъ очень широкій. Въ 1833 г. Гоголь писалъ Максимовичу, что „принялся за исторію бѣдной Украины“, и говоритъ: „Я скажу много того, чего до меня не говорили“. Онъ въ своей „исторіи Малороссіи“, разсчитанной на 6 томовъ, обѣщавъ указать „на географическія, этнографическія, экономическія и юридическія условія“, и связывавъ эту исторію со всемірной исторіей, а въ 1834 году писалъ Погодину: „Я весь теперь погруженъ въ исторію Малороссійскую и всемірную... Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя“. Уже въ 1833 г. у Гоголя зародилась мысль объ университетской кафедрѣ въ Кіевѣ, и именно въ Кіевѣ, хотя раньше ему предлагали кафедру въ Москвѣ. Петербургъ ему надоѣлъ, въ Москву онъ не хочетъ, а мечтаетъ только о Кіевѣ и въ письмѣ къ Пушкину сообщаетъ: „Тамъ (въ Кіевѣ) я окончу исторію Украины и юга Россіи и напишу всеобщую исторію... Да превратится онъ (Кіевъ) въ русскіе Афины, богоспасаемый нашъ городъ“. Русской исторіи Гоголь не любилъ, выдѣлялъ изъ нея украинскую исторію и былъ готовъ скорѣе все бросить и откланяться, чѣмъ читать исторію рус-

скую“, о чемъ и писалъ откровенно Пушкину. (Котляревскій, „Гоголь“, стр. 117—119).

Во все время своего семилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ (1829—1836 г.) Гоголь усердно собиралъ историческіе матеріалы и, по выраженію проф. Котляревскаго, „жилъ мечтой стать малороссійскимъ Фукидидомъ“. Каковъ былъ у него взглядъ на украинскую исторію, можетъ служить хотя бы этотъ отрывокъ изъ конспекта его лекцій, написаннаго въ 1832 году: „И вотъ Южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ Литовскихъ князей, совершенно отдѣлилась отъ Сѣверной. Всякая связь между ними разорвалась; составились два государства, называвшіяся одинаковымъ именемъ—Русью, одно подъ татарскимъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ литовцами. Но уже сношеній между ними не было: другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги составили на время два совершенно различные характеры“. Въ письмѣ къ Смирновой, говоря о разницѣ великорусскаго и малорусскаго характеровъ, Гоголь пишетъ: „Для этого самія исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ“, дополняющія другъ друга для сильной государственной жизни.

Въ письмахъ къ Максимовичу Гоголь пишетъ: „Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украины, ради отцовскихъ могилъ“... „Теперь я принялся за исторію нашей бѣдной единственной Украины“... „Душа тоскуетъ за Украиной“... „Наша единственная, бѣдная Украина“... Сколько любви, силы и лиризма вложено въ эти слова и нѣжныя эпитеты! Вотъ что жило въ душѣ Гоголя живымъ чувствомъ и давало ему силу вдохновенія. Но это было только чувство и немного надо было, чтобы подняться къ идеѣ однако, онъ не поднялся и дальше стихій не пошелъ.

Интересна та переписка Гоголя съ Максимовичемъ, въ которой Гоголь разрѣшаетъ вопросъ о томъ, не покинуть ли имъ Москвы и Петербурга, чтобы поѣхать къ себѣ на родину и служить ей. Въ одномъ письмѣ Гоголь говорилъ Максимовичу: „Бросьте, въ самомъ дѣлѣ, кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину. Я самъ думаю тоже сдѣлать и на

слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудить хорошенько! Для чего и кому мы жертвуемъ всёмъ? Идемъ въ Кіевъ!" Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Туда, туда, въ Кіевъ, въ древній прекрасный Кіевъ! Онъ нагъ, а не ихъ—не правда-ли? Тамъ, или вокругъ дѣялись дѣла старины нашей“... Гоголь мечталъ о новой жизни на Украинѣ, о дѣятельности и жертвѣ для нея. Въ другомъ письмѣ, упрекая Максимовича, что онъ влюбился „въ толстую Москву“, Гоголь повторяетъ то же самое и снова зоветъ его домой, въ Кіевъ. Совершенно естественно, когда писатель свои любовныя, живыя и пылкія чувства къ чему либо переноситъ въ свои произведенія, даже помимо своей воли и сознательности. И Гоголь естественно свои любовныя, живыя и пылкія чувства къ украинскому не могъ не перенести въ свои художественныя произведенія, какъ напр., въ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и въ „Тараса Бульбу“. Замышлялъ онъ и др. украинскія произведенія, но не успѣлъ осуществить своей мысли, только началъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ указанныхъ произведеніяхъ Гоголя его чувства къ украинскому бытѣ живымъ ключемъ и заражаютъ собою читателя изъ украинцевъ, будятъ въ немъ его стихію, его чувство родного, и дѣйствуютъ на сознание. Вліяніе произведеній Гоголя на украинское самосознаніе продолжается. Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что Гоголь проводилъ грань между украинскимъ и великорусскимъ, называлъ украинское своимъ, высказывалъ желаніе служить ему, какъ „нашему“, и желалъ ему развитія и жизни. Украинскій языкъ онъ считалъ отдѣльнымъ языкомъ, какъ и великорусскій, называлъ его „языкомъ души“ и, напр., въ письмѣ къ Максимовичу, по поводу его перевода съ украинскаго, писалъ такъ: „Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ, малороссіянамъ, кажется, очень будутъ понятны для русскихъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину смысла подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ на русскомъ, потому что оно не въ духѣ русскаго языка; и тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его... Помни, что твой переводъ для русскихъ, и потому всё малорусскіе обороты и конетрукціи

прочь“.—Ему было неприятно, что украинское культурное общество оставило и забывало родную рѣчь, которую онъ называлъ „языкомъ души“. Однажды, на родинѣ, услышавъ, какъ сосѣдка помѣщица воспрецала сынишкѣ говорить по малорусски, Гоголь замѣтилъ ей: „Зачѣмъ вы мѣшаете ему? Пусть говоритъ на своемъ родномъ нарѣчій“... (Восп. Пашенко. „Берегъ“ 1880 г. № 268). Съ Максимовичемъ Гоголь разговаривалъ по малорусски и писалъ ему: „Одному пріѣхать въ этотъ край—(въ Кіевъ), хотя и желанный, но быть одному, не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души“ и т. д. Въ Нѣжинѣ Гоголь водилъ обширныя знакомства съ простонародіемъ, дружилъ съ обывателями предмѣстья „Магарки“, бывалъ у нихъ въ гостяхъ, на свадьбахъ, на праздникахъ и разныхъ увеселеніяхъ, знакомился съ крестьянами, ѣхавшими въ городъ изъ деревень, а также съ торговцами на базарѣ, и со всѣми этими лицами любилъ вести разговоры на малорусскомъ языкѣ. Сохранившаяся у С. Аксакова рукописная книга Гоголя въ 490 стр. заполнена отчасти малорусскимъ словаремъ и собранными Гоголемъ произведеніями украинской народной словесности.

Въ своемъ изслѣдованіи „О характерѣ Гоголевскаго стиля“ проф. Мандельштамъ, приведя рядъ выписокъ изъ произведеній Гоголя и разобравъ ихъ, говоритъ: „По нимъ можно легко судить о томъ, что Гоголю собственно было близко, ближе всего: сравненія вращаются въ области мыслей о прелестяхъ козацкой жизни, о малороссійской природѣ, въ области чувствъ, враждебно настроенныхъ противъ всего чуждаго малороссійскимъ началамъ“ (стр. 188). „Для Гоголя опытъ жизни давала Малороссія и этотъ опытъ служилъ матеріаломъ во все время творчества“ (стр. 200). „Направленная обыкновенно въ сторону отрицанія, мысль весьма часто поворачивала, однако, въ сторону положительнаго, когда затрагивались вопросы о родной странѣ, особенно въ ея прошлыхъ судьбахъ“ (стр. 201). Этимъ отчасти объясняется, почему Гоголь въ своихъ произведеніяхъ далъ положительные типы только изъ украинской жизни и народности. Самое возбужденіе творческой мысли у Гоголя „шло по колеѣ родного языка... на родномъ языкѣ онъ былъ глу-

боко художественъ и глубоко правдивъ—и потому именно высоко цѣнно было вліяніе малорусскаго языка на литературный языкъ русскій, воспринявшій эти элементы“ (стр. 199). Думая на украинскомъ языкѣ, „Гоголь мысленно переводилъ обороты, слова, буквально, примѣняясь къ русской рѣчи“ (стр. 208). Но даже при переводѣ „Гоголь пользовался малороссійскимъ языкомъ каждый разъ, когда общерусскій не въ состояніи былъ передать той тонкости мысли, которая передавалась естественно языкомъ малороссійскимъ... Малорусскій языкъ преобладаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль требуетъ выраженія настроенія. Какъ только вспыхиваетъ, напр., чувство любви къ тому, что сердцу близко, малороссійская рѣчь становится господствующею“ (стр. 217). Украинскій элементъ создалъ то, что „стиль Гоголя демократиченъ“, чего не было до Гоголя ни у кого изъ русскихъ писателей (стр. 350).

Изъ всего этого видно, сколь сильна была украинская стихія во всемъ существѣ Гоголя. Эту стихію съ любовью къ родному онъ внесъ въ свои художественныя произведенія и оставилъ въ наслѣдство читателямъ. Проф. Потебня писалъ: „Говорить—значитъ возбуждать въ другомъ его собственные мысли“. Наполнивъ свои произведенія изъ украинской жизни горячей любовью къ родному, бьющей изъ нихъ живымъ ключемъ, врывающимся въ душу читателя, Гоголь этими произведеніями будилъ въ малорусскомъ обществѣ мысли и чувства, полныя украинскихъ симпатій и любви къ родному. Этимъ сознаніе оплодотворялось и Гоголь вліялъ на созданіе національнаго самосознанія украинцевъ. Украинская литература почти вся признала въ Н. В. Гоголѣ украинскаго писателя панской формации и потому, какъ говоритъ проф. Грушевскій, нѣтъ никакихъ основаній выключать Гоголя „з історіі українського національного руху, розвою української свідомости“, вслѣдствіе чего противникамъ украинскаго движенія можно отвѣтить: „він наш, він не їх!“ (Мих. Грушевскій: „Юбилей Миколи Гоголя“, „Літ. Наук. Вістн.“, 1909 р., кн. III, стр. 606—610). Пышнѣе это только подозрѣвали, когда писалъ, что у Гоголя „вырывались даже слова, по которымъ онъ могъ бы быть признанъ за истаго украинскаго писателя“.

У меня и сейчасъ живы воспоминанія о вліяніи „Тараса Бульбы“ и „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ на насъ, воспитанниковъ Лубенской гимназій, Полтавской губ. Это вліяніе на насъ, дѣтей украинскаго происхожденія, было столь сильнымъ, что мы, разговаривавшіе по малорусски, даже не замѣчали того, что произведенія Гоголя написаны не на украинскомъ, а на русскомъ языкѣ. Для насъ Тарасъ Бульба и Остапъ были не только живыми лицами, но идеалами и предметомъ подражанія. Какъ я убѣдился впоследствии, такое же воздѣйствіе оказывали произведенія Гоголя и въ иныхъ мѣстахъ Украйны на другихъ людей. Объ этомъ же заявилъ въ своей юбилейной статьѣ г. Ефремовъ („Рада“), который говоритъ, что подъ вліяніемъ произведеній Гоголя у него впервые проснулось сознаніе, что онъ сынъ Украйны, и родилась потребность работать на пользу культурнаго возрожденія украинскаго народа. Отъ старыхъ „украинофиловъ“ мнѣ приходилось не разъ слышать, какъ они распространяли „Тараса Бульбу“ и „Вечера“, убѣдившись, что эти произведенія будятъ чувства любви и уваженія къ своей народности и ведутъ къ національному самосознанію украинскаго общества.

Рѣчи Тараса Бульбы и Остапа, а также дѣятельность этихъ героевъ, будили въ насъ могучее чувство любви къ родному. Какимъ образомъ могли бы остаться безъ слѣдовъ на сознаніи мыслящаго юнца хотя бы эти огненные мѣста: „Такъ стало быть, слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казачья сила, чтобы человекъ стигнулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что же мы живемъ, на какого черта мы живемъ? Растилкуй ты мнѣ это!“ („Тар. Бульба“, 297). Эти слова такъ и просятся быть произнесенными по украински!

Или такое мѣсто: „Знаю, говоритъ Тарасъ Бульба объ украинцахъ и о польскихъ вліяніяхъ, знаю, подло завелось теперь въ землѣ нашей: думаютъ только, чтобы при нихъ были хлѣбные стоги, скирды, да конные табуны ихъ, да были бы цѣлы въ погребахъ запечатанные меды ихъ; перенимаютъ чертъ знаетъ какіе бусурманскіе обычаи: гнушаются языкомъ своимъ, свой съ своимъ не хочетъ говорить, свой своего

продаетъ (курсивъ нашъ), какъ продаютъ бездушную тварь на торговомъ рынкѣ". Такія рѣчи вліяли на насъ неотразимо. Мы ихъ переносили изъ прошлаго въ современность и прикладывали къ дѣйствительности. Мы сознавали, что украинское пришло въ упадокъ и не стало вслѣдствіе этого Тарасовъ Бульбъ и Остаповъ; украинской родной рѣчью мы не только не гнушались, а, напротивъ, слѣдуя словамъ нашего идеала—Тараса Бульбы, стали крѣпче держаться ея и говорили по украински, по возможности всегда и вездѣ, даже рисуясь и бравруя этимъ.

Украинскихъ читателей не могли не наводить на размышленія и такія мѣста въ „Тарасѣ Бульбѣ“: — „Тогда вліяніе Польщі начало уже сказываться на русскомъ дворянствѣ (замѣтимъ, что русскимъ Гоголь здѣсь называетъ украинское). Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь казаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ“. Это мѣсто наводило украинца на мысль о томъ, что не надо безъ толку перенимать чужого, а слѣдуетъ дорожить своимъ, простымъ, казацкимъ и заботиться прежде всего о развитіи своего родного, народнаго, украинскаго. Насъ сильно возмущали поведение, поступки и слова Андрія, который жилъ и дышалъ инымъ духомъ. Потребность любви къ женщинѣ пробудилась въ немъ рано. Онъ поѣхалъ на Сѣчь и на войну со своимъ отцомъ не вслѣдствіе внутреннихъ побужденій, а только изъ боязни перечесть отцу. Признаваясь полькѣ въ любви, онъ за ея любовь готовъ отдать и отдать все, что свято и дорого его отцу и брату, причемъ говоритъ полькѣ: „А что мнѣ отецъ, товарищи, отчизна?... Нѣтъ у меня никого! Никого! Никого! Кто далъ мнѣ ее (Украину) въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю: пусть ктонибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! И все это, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну“.—Гоголь рисовалъ живые типы прошла-

го и настоящаго. И здѣсь у него изображены живые типы. Упоминаемый подъ 1655 г. въ лѣтописи Самовидца Остапъ Гоголь, перешедшій на сторону поляковъ, носилъ также имя Андрія. Дѣдъ нашего писателя—Афанасій Гоголь, желая показать свое „благородное“ происхожденіе для полученія дворянской грамоты, въ родословной, поданной въ 1788 г. въ Полтавское дворянское депутатское собраніе, указалъ, что его предки „польской націи“. Хотя это типичныя явленія въ средѣ малорусскаго панства XVII и XVIII в., но сама собою напрашивается мысль, что Гоголь нѣкоторыя черты для Андрія взялъ изъ своихъ фамильныхъ преданій. Гоголю эти отреченія отъ родной народности были столь противными, что онъ отбросилъ отъ своей фамиліи польскую приставку „Яновскій“. Такими типами полна была и современная намъ дѣйствительность, а потому рѣчь Андрія, вмѣстѣ съ нашими симпатіями къ Тарасу Бульбѣ и Остапу, дѣйствовала на наше сознание возбуждающимъ образомъ и любовь къ родному росла и усиливалась. Вліяніе Гоголя на наши чувства любви и уваженія къ родному, однако, не имѣло ничего общаго съ сепаратизмомъ и выражалось только въ стремленіи сохранить, возродить и развить свою украинскую культуру, а прежде всего свой языкъ и литературу, въ границахъ Россіи.

Многіе малороссы выказываютъ сожалѣніе, что Гоголь писалъ только по русски, а по украински, кромѣ письма къ Б. Залѣскому да небольшого сатирическаго стишка на своего воспитателя Зельднера, ничего не написалъ. Конечно, украинцамъ было бы пріятно и полезно имѣть на своемъ языкѣ хоть одно произведеніе Гоголя, но истина требуетъ признать, что вообще, по условіямъ своего времени и своего общества, Гоголь сдѣлалъ гораздо лучше, писавши по русски. Только русскія произведенія могли найти Гоголю болѣе или менѣе широкій кругъ читателей, а слѣдовательно и сравнительно болѣе вліяніе въ обществѣ, какъ великорусскомъ, такъ и малорусскомъ. Произведенія на украинскомъ языкѣ, уже въ силу незначительности круга читателей на этомъ языкѣ, не оказали бы и сотой доли того вліянія на русскую и украинскую общественность, какое выпало на долю русскихъ твореній.

Произведений на украинскомъ языкѣ во времена Гоголя не читали бы не только великороссы, но и все то украинское общество, которое усвоило себѣ великорусскую или польскую культуру, избѣгло родного всячески и относилось къ нему съ презрѣніемъ, какъ къ мужицкому. О простомъ же народѣ нечего и говорить—онъ былъ крѣпостнымъ и безграмотнымъ, а потому читателей не далъ бы все равно. Не надо забывать и того, что произведения Гоголя составляютъ достояніе всѣхъ рѣшительно библиотекъ, начиная отъ школьныхъ, тогда какъ, напр., произведения Шевченка, Марко-Вовчка, Котляревскаго и др. современниковъ Гоголя, только потому, что онѣ написаны по малорусски, и до сихъ поръ не имѣютъ доступа въ школьныя библиотеки. Такимъ образомъ, украинскій языкъ произведений Гоголя сталъ бы непреоборимой стѣной для вліянія ихъ на общество и это вліяніе долго было бы ограниченнымъ, пока кто нибудь перевелъ бы ихъ на русскій языкъ и тѣмъ сдѣлалъ бы доступными и русскому, и украинскому обществамъ.

Условія жизни и общественности были таковы, что даже патентованные „украинофилы“—писатели, какъ во времена Гоголя, такъ и позже, употребляли оба языка—русскій и украинскій. Припомнимъ, напр., Костомарова, Мордовцева, Квитку—Основяненка, Шевченка, который даже свой дневникъ писалъ по русски. Нѣкоторые изъ нихъ писали по русски несравненно больше, чѣмъ по украински.

Всякаго писателя, какъ и всякаго общественнаго дѣятеля, необходимо разсматривать въ его обществѣ, въ его обстановкѣ и въ условіяхъ жизни его времени, т. е. всякій человѣкъ сынъ своего времени, общества и обстановки. На Украинѣ еще въ XVII вѣкѣ считалось униженіемъ для учености писать на живомъ языкѣ своего народа, вслѣдствіе чего писали по латыни, по гречески, по польски и по церковно-славянски. Во времена Гоголя украинскій народъ находился въ крѣпостномъ состояніи, всѣ верхніе слои оставили свою народность, и все грамотное общество, которое читало книги и для котораго только и существовала литература, было привилегированнымъ классомъ. Но этотъ классъ и соединеніе съ нимъ слои употребляли или французскій, или русскій, или смѣшанный языкъ, а къ просто-

народному относились отрицательно. Такъ какъ это общество было единственнымъ читателемъ, то изъ этого одного уже ясно, почему Гоголь по условіямъ своего времени и обстоятельствъ жизни долженъ былъ писать по русски.

Во времена Гоголя и русскій литературный языкъ былъ еще мало обработанъ. Проф. Мандельштамъ пишетъ: „Многіе, стоявшіе во главѣ общества, превосходно излагавшіе свои мысли на французскомъ языкѣ, писали по русски самымъ неуклюжимъ образомъ, точно съѣзжали, по выраженію Аксакова, съ торной дороги на жесткія глыбы только что поднятой нивы“. Тоже пишетъ и Пыпинъ. Самъ Гоголь признавалъ, что русскій языкъ надо „облагородить“, выбросить изъ него массу словъ и замѣнить ихъ иными. „Виновать, кажется изъ устъ нашего героя излетѣло слово, подмѣненное на улицѣ. Что же дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣляютъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь... А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣляютъ... А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непременно, чтобы все было написано языкомъ самимъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ—словомъ хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты и выставить его“—писалъ Гоголь. Еще во времена Каткова, въ 60-хъ годахъ, русскій литературный языкъ былъ въ такомъ состояніи, что Катковъ въ 1861 г. писалъ: „Оглядываясь на нашу исторію, обозрѣвая нашу литературу въ прошедшемъ и настоящемъ, допрашивая нашу цивилизацію, мы, къ сожалѣнію, не видимъ абсолютной невозможности, чтобы вмѣсто того русскаго языка, которымъ мы теперь говоримъ и пишемъ, не явился рано или поздно, при новыхъ историческихъ условіяхъ, какой нибудь другой русскій языкъ“ („Рус. Вѣстн.“, 1861 г., мартъ). Катковъ думалъ, что такимъ новымъ русскимъ языкомъ можетъ стать украинскій языкъ. Гоголь употреблялъ

много времени и труда на чистку и обработку русского языка своих произведений, выбрасывая из него церковно-славянщину и чужеземщину. Разобравъ стиль и языкъ Гоголя, проф. Мандельштамъ пишетъ: „Гоголю слѣдуетъ отвести первое мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія, какъ первому внесшему въ литературу народную рѣчь, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Такимъ языкомъ не писалъ и Пушкинъ“. Если такимъ литературнымъ языкомъ былъ языкъ русскій, то еще въ худшемъ состояніи былъ литературный украинскій языкъ, заброшенный, запущенный и лишенный культурныхъ элементовъ. Гоголь, хотя и владелъ украинской простонародной рѣчью въ совершенствѣ, но писать на ней обо всемъ нельзя было: не нашлось бы массы словъ для выраженія новыхъ понятій. Для этого требовались время и совокупная работа многихъ людей.

Такимъ образомъ, общія условія не благоприятствовали тому, чтобы Гоголь писалъ на родномъ украинскомъ языкѣ, несмотря на всю любовь къ нему. Ко всему же этому школьное ученіе Гоголя было все на русскомъ языкѣ и такимъ образомъ создались извѣстныя привычки, а симпатіи Гоголя къ украинскому, какъ мѣтко выразился проф. Овсянко-Куликовскій, не были „выраженіемъ живой національной формы“ и заключали въ себѣ только стихійныя начала, для такого же выраженія необходима идея.

Во времена Гоголя еще не было сознанія, что литературная обработка великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго языковъ расчистить русла и источники для русскаго языка. Если бы это сознаніе существовало, то и сторонники только обще-русскаго языка писали бы на мѣстныхъ украинскомъ, великоруссскомъ и бѣлоруссскомъ языкахъ. Забывать источники и упразднять русла было бы гибельнымъ и для общерусскаго языка, такъ какъ безъ нихъ онъ оторвался бы отъ жизненныхъ элементовъ, лишился бы питательныхъ соковъ, оскудѣлъ бы и превратился бы въ мертвый языкъ, подобно латинскому.

Къ указаннымъ причинамъ, почему Гоголь не писалъ по украински, необходимо указать еще нѣкоторыя. Несомнѣнно, что всѣ причины вліяли своею совокупностью. Гоголь сильно нуждался, а за русскія произведенія ему пла-

тили большія деньги. На дѣятельность писателя Гоголь смотрѣлъ, какъ на государственную службу, о чемъ онъ не разъ писалъ и въ письмахъ къ матери. „Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, пишетъ онъ изъ Нѣжина, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству“. Онъ находилъ, что нельзя быть и счастливымъ „до вступленія въ службу“. Вспоминая объ отцѣ, Гоголь пишетъ матери: „Сладостно мнѣ быть съ нимъ (т. е. съ образомъ усопшаго), я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный (и справедливо) въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія.. черезъ годъ вступаю я въ службу государственную“. Когда его постигли служебныя неудачи, то онъ писалъ матери, что и занятіе писательствомъ представляетъ собою государственную службу. Вотъ почему, говоритъ Котляревскій, Гоголь, когда ему пришлось отказаться отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ по службѣ въ качествѣ чиновника, все таки „не переставалъ смотрѣть на свою писательскую дѣятельность, какъ на „службу“ государству, и раздавалъ направо и налево совѣты государственной мудрости“. („Гоголь“, стр. 10). Къ тому же Гоголь преклонялся предъ авторитетомъ правительства, а правительство неблагоприятствовало украинскому. Припомнимъ также, что Гоголь былъ человекъ слабовольный и постоянно былъ подъ чьимъ либо вліяніемъ, одно изъ которыхъ даже свело его въ могилу. А на Гоголя имѣлъ преимущественное вліяніе кружокъ Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Плетнева, Смирновой и т. п., который вліялъ на него и въ смыслѣ государственности, и въ смыслѣ исповѣданія „официальной народности“—это вліяніе связывало его и уничтожало всякую мысль о писательствѣ на какомъ бы то ни было иномъ языкѣ, кромѣ русскаго. Этотъ кружокъ выхлопоталъ Гоголю за его русскія произведенія нѣчто вроде пенсіи изъ государственнаго казначейства, чего онъ не могъ бы имѣть за украинскія произведенія. Считался Гоголь и съ тѣмъ, что украинскій языкъ въ его время былъ языкомъ мужицкимъ, простонароднымъ. Мы знаемъ, что Гоголь по воспитанію, убѣжденіямъ и сим-

патіямъ были помѣщикомъ своего времени, владѣющимъ крѣпостными, а вслѣдствіе этого и въ отношеніяхъ къ языку простого крѣпостного народа, хотя чувство ему говорило и иное, не могъ не относиться по-пански, хотя при этомъ и не могъ не испытывать раздвоенности чувства, весьма характерной для всей его дѣятельности.

Изъ украинцевъ самое сильное вліяніе на Гоголя оказывали проф. Максимовичъ, но это вліяніе не было ни на столько выразительнымъ, ни на столько энергичнымъ, чтобы парализовать хотя бы вліяніе Пушкинскаго кружка.

Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ за то, что Гоголь не писалъ по украински вслѣдствіе принципиальныхъ мотивовъ. Напротивъ, мы знаемъ о его большой любви къ своей народности, а вмѣстѣ и къ украинскому языку, изъ чего только можемъ заключить, что для писанія на украинскомъ языкѣ своихъ произведеній Гоголь въ тѣ времена не находилъ соответствующихъ условій и только вслѣдствіе этого не писалъ по украински. Лучшимъ и прямымъ подтвержденіемъ этого служитъ письмо Гоголя къ матери, въ которомъ онъ изъ Петербурга проситъ записать и сообщить ему украинскія народныя повѣртія, пѣсни, сказки, преданія, анекдоты и т. д. и говорить: „Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно... Еще прошу выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: „Овца-Собака“ и „Романъ съ Параскою“. Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это, по крайней мѣрѣ, достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ, а, по моему мнѣнію, ничѣмъ не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и т. д.“ (письма Н. В. Гоголя, I, 119—121). Если къ этому письму прибавить еще, что Гоголь съ земляками и съ польскими писателями разговаривалъ по украински, а къ В. Залѣскому писалъ по украински, то этихъ фактовъ уже совершенно достаточно, чтобы опровергнуть всякую мысль объ отрицательномъ отношеніи Гоголя къ украинскому языку и къ писательству на этомъ языкѣ. Напротивъ, онъ самъ устраивалъ спектакли на этомъ языкѣ въ Нѣжинѣ и про-

силъ мать прислать отцовскія пьесы, чтобы устроить мало-русскій спектакль и въ Петербургѣ.

И такъ, Гоголь своей литературной дѣятельностью оказалъ неизмѣримыя услуги русской и украинской литературѣ, для которыхъ былъ творцемъ новой реалистической школы. Для русскаго литературнаго языка своими украинскими элементомъ — языкомъ, юморомъ и нѣжнымъ лиризмомъ, который не имѣетъ ничего общаго ни съ сентиментализмомъ, ни съ романтизмомъ, Гоголь сталъ богатымъ вкладчикомъ и новаторомъ. Вліяя безъ предвзятой тенденціи, а исключительно силой своего поэтическаго творчества и непосредственнаго чувства, вложеннаго въ произведенія, Гоголь принесъ неизмѣримую пользу русскому, великорусскому и украинскому обществамъ, давъ толчекъ къ ихъ самосознанію и къ пробужденію у нихъ самодѣятельности, взаимнаго пониманія и уваженія. Со времени Гоголя литература въ Россіи приобрѣла общественное значеніе и стала великой прогрессивной силой. Художественнымъ изображеніемъ жизненной дѣйствительности, которую онъ воплощалъ въ реальные образы, Гоголь будилъ самую жизнь отъ застоя и спячки. Всѣ его произведенія проникнуты призывомъ къ самосознанію и самодѣятельности, которыя развиваютъ чувства чести и долга. Гдѣ нѣтъ самодѣятельности, тамъ застой и апатія, а гдѣ апатія—тамъ не бываетъ ни идеаловъ, ни высокихъ порывовъ, ни возвышенныхъ чувствъ. Внеся въ общество новыя понятія и разбудивъ общественную мысль, какъ русскую, такъ и украинскую, Гоголь вмѣстѣ съ другими тѣмъ самымъ расчистилъ путь къ гуманной идейности и къ благородному идеализму 60-хъ годовъ, которые и сей часъ воодушевляють насъ, русскихъ, великороссовъ и украинцевъ, соединяя и объединяя въ одну братскую семью.

Что касается специально украинскаго общества, то оно, кромѣ того, чему должно быть благодарно Гоголю русское общество вообще, должно быть благодарно Гоголю, во 1-хъ, за то, что онъ, показавъ положительныя и симпатичныя стороны украинской народности въ поэтическомъ выраженіи, возбудилъ у великороссовъ и русскихъ особый интересъ къ Украинѣ и украинскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ симпатіи и уваженіе къ украинскому, чѣмъ приобрѣлъ

украинцамъ друзей и сочувствующихъ внѣ украинскаго общества, т. е. создалъ условія, благоприятствующія украинскому культурно-національному возрожденію: и, во 2-хъ, за то, что онъ возвысилъ украинцевъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, поднялъ ихъ духъ и будилъ у нихъ своими художественными произведениями высокое чувство чѣловѣческаго и національнаго достоинства, вмѣстѣ съ любовью къ родному. Веѣмъ этимъ Гоголь помогъ кристаллизациі стихійныхъ украинскихъ началъ и претворенію ихъ въ сознательное стремленіе къ развитію украинской жизни и культуры.

Есть такія имена писателей, что при одномъ произнесеніи ихъ рождается чувство благоговѣнія. Къ такимъ именамъ безспорно относится и бессмертное имя украинскаго генія въ русской литературѣ Н. В. Гоголя.

~~157872~~

У-83318

імені І. І. Мечникова

Цѣна 25 коп.